

Это место — самый бедный уголок во всем городе Цзянлин. Здесь жили сплошь простолюдины, и из-за войны по вечерам на улицах не было видно даже тени. Городские дозорные тоже почти никогда не ходили той дорогой.

Брови Гуань И не разглаживались. Обойти путь от Восточного рынка до Восточного лагеря позволяло избежать зданию управы и особняков тех чиновников, но дорога получалась в обход.

— Генерал, солдаты в лагере полностью подавлены.

Один из личных телохранителей вошел, приподняв полог, чтобы доложить. Пока Гуань И с остальными обсуждали дела, его подчиненные численностью больше тысячи человек уже действовали и захватили всех солдат в лагере Западного города.

— Введите людей внутрь.

Гуань И кивнул.

Ми Шэ втоптали внутрь, заломив руки за спину двое телохранителей, на его лице застыло выражение крайнего недоумения и ярости, а глаза выкатились, как медные колокольчики.

— Вы что, объелись леопардовых сердец? Хотите взбунтоваться?

Он был вне себя от ярости. Он спокойно выпивал в лагере, когда телохранители Гуань И внезапно силой вытащили его из палатки. Еще больше его пугало то, что, как бы он ни кричал, во всем военном лагере не нашлось ни единого человека, кто ответил бы ему.

— Взбунтоваться? Это ваше семейство Ми — главные бунтовщики.

Гуань И вытер кровь с лица, обнажив юношеское еще лицо. Черты лица были хоть и мягкими, но в самой сути сквозила жесткость и негибкость.

— Ты... тот пацан из семьи Гуань?

Ми Шэ в упор всмотрелся и узнал его. Гуань И был старшим внуком Гуань Юя, как же он мог его не знать.

— Ты сошел с ума? Ты посмел войти в город? Ваша семья Гуань не боится пресечь свой род?

Ми Шэ был совершенно ошеломлен. Он не мог понять, откуда у Гуань И такая смелость, да еще и тайком вернуться в город Цзянлин.

— Пресечется род моей семьи Гуань или нет — не твоего ума дело. Но если ваше семейство Ми хочет оставить хоть какое-то потомство, придется покорно слушать меня.

Гуань И вытащил из ножен Западный Ханьский Меч, и кончик клинка находился менее чем в трех цунях от лица Ми Шэ. Ми Шэ мог разглядеть собственное искаженное отражение в сиянии клинка.

— Не, не убивай меня! Пощади генеральскую жизнь! Мой отец предал государь-маркиз, но я-то нет! В душе я всегда был предан государь-маркиз!

Ми Шэ до смерти испугался. Такой избалованный мажор, разве он когда-либо испытывал подобные лишения? Несмотря на свою обычную заносчивость, в глубине души он был трусом, боящимся смерти.

— Какой сегодня ночью пароль в военном лагере?

Гуань И холодно хмыкнул, глядя на жалкий вид Ми Шэ с полным презрением.

— Остановка ветра... сегодняшний пароль — остановка ветра...

Выпалил Ми Шэ, разве он думал сейчас о том, что собирается делать Гуань И, когда на кону стояла его собственная шкура.

— Остановка ветра? Довольно неплохое название.

Гуань И кивнул и, взмахнув рукой, отдал приказ построиться.

Не прошло и времени выкуривания одной палочки благовоний, как отряд из более чем тысячи ста человек уже выстроился в ряды. Личные телохранители также находились среди них, все до единого в безупречных доспехах. Гуань Хао конвоировал Ми Шэ, который во все глаза таращился на этот отряд, преисполненный полнейшего недоумения.

— Э-э... это и правда люди из моего лагеря Западного города? Почему они выглядят такими незнакомыми?

Ми Шэ, конечно же, не знал, что все эти солдаты были призваны Гуань И с помощью системы после его входа в лагерь Западного города. Внешне они ничем не отличались от солдат Цзинчжоу, но в душе были системными войсками, подчиняющимися исключительно приказам Гуань И.

— Марш.

Гуань Хао упер короткий кинжал в спину Ми Шэ, заставляя его идти в самом авангарде. Гуань И вел за собой главные силы. Более тысячи человек бесшумно выскользнули из лагеря Западного города.

Если бы кто-нибудь в этот момент заглянул в лагерь, то обнаружил бы, что во многих палатках люди связаны веревками — это были все прежние солдаты лагеря Западного города. Телохранители совместно с пехотой, вооруженной щитами, совершили внезапное нападение, их рты были заткнуты, а руки и ноги связаны.

Гуань И прекрасно понимал, что большинство этих людей были верны Ми Фану, но в конце концов они оставались цзинчжоускими солдатами. Стоило Гуань Юю вернуться в город Цзянлин, как он сумел бы подчинить их себе. Не было никакой необходимости убивать их.

Город Цзянлин. Отряд численностью более тысячи человек бесшумно двигался в ночной темноте.

Вскоре они уже пробрались на Восточный рынок. Ночь уже глубоко вступила в свои права, и вокруг стояла неестественная тишина. Внезапно появившееся войско разорвало ночь надвое.

В этой восточной части города жили сплошь бедняки, и даже услышав шум снаружи, никто не осмеливался выглянуть наружу — люди лишь наглухо запирали двери и окна.

Ми Шэ, которого подталкивали в спину, шел в самомпереди, а Гуань Хао, сжав в руке короткий нож, следовал прямо за ним. Позади двигались сто копьеносцев, а еще дальше — четыреста лучников. Все эти люди были бойцами первого уровня, призванными Гуань И.

Отряд дошел прямо до ворот Восточного лагеря.

Ночной дозор в лагере быстро заметил их, но не придавал этому особого значения.

— Пароль?

Десятник в кожаных доспехах, с копьём наперевес, стоял у ворот лагеря и задал вопрос. На душе у него было беспокойно: с какой стати эта банда посреди ночи притащилась к Восточному лагерю?

— Остановка ветра, — отозвался Гуань Хао и одновременно острием ножа слегка надавил на пояс Ми Шэ.

Лезвие касалось плоти, обжигая холодом. Ми Шэ сглотнул слюну и заорал во весь голос:

— Вы что, ослепли? Не видите, что это я?

Только тогда десятник узнал его, его лицо слегка изменилось, но он все же по уставу задал вопрос:

— Генерал прибыл сюда среди ночи, какова цель визита?

— Откройте ворота и велите моему младшему брату выйти повидаться со мной.

Ми Шэ передал слова так, как велел Гуань И. Он велел десятнику открыть ворота и позвать своего младшего брата Ми Фу встретить гостей.

Среди ночи ворота военного лагеря разве открывались просто так? Десятник не смел принимать решения сам, поэтому велел одному из своих солдат пойти и передать весть Ми Фу.

В палатке Ми Фу крепко спал, обнимая какую-то женщину. У той были красные от слез глаза, она хотела плакать, но не смела издать ни звука — любой сообразительный человек сразу понял бы, что ее похитили силой.

Посыльный подбежал к шатру, но был остановлен личными стражниками Ми Фу.

Ему пришлось доложить стражникам о прибытии Ми Шэ. Услышав, что пожаловал старший брат генерала, стражник не смел медлить и, закусив удила, отдернул полог палатки и вошел внутрь.

— Генерал... прибыл старший господин.

Войдя в палатку, стражник бросил вороватый взгляд на женщину в объятиях Ми Фу и понизил голос.

— Чего? Мой брат пришел?

Ми Фу еще не до конца погрузился в сон и при этих словах мгновенно проснулся.

Узнав, что приехал его старший брат Ми Шэ, в глубине его глаз промелькнуло мгновенное замешательство. Он безобразничал с женщинами прямо в лагере, и если бы брат застал его за этим занятием, объясняться было бы трудно.

— Зачем он явился в такое время?

Спросил Ми Фу, одновременно позволяя женщине помочь ему одеться.

— Докладываю генералу, мы не посмели спрашивать. Но за ним следует больше тысячи солдат,

все на вид весьма крепкие и свирепые.

Ответил солдат.

Услышав, что Ми Шэ привел с собой войска, Ми Фу, уже собиравшийся выйти наружу, замер на месте.

— Привел войска? Дело неладно. Ми Тун, немедленно собери мне людей, четыре тысячи человек, без единого исключения.

Ми Фу хоть и был падок на женский пол, умом обладал ясным. Среди сыновей Ми Фана по части боевых навыков и бдительности он считался одним из лучших.

Время шло медленно, капля за каплей, и Гуань И, укрытый в боевом построении, начал тревожиться.

Он впился кончиками пальцев в рукоять меча на поясе, приковав взгляд к воротам Восточного лагеря. В его голове непрерывно крутилась лишь одна мысль: удастся ли с ходу прорваться и взять Восточный лагерь лобовой атакой?

В тот момент, когда он уже едва сдерживался, у ворот лагеря произошло движение. Ми Фу верхом на боевом коне, облаченный в железные доспехи, с темной массой из более чем четырех тысяч человек позади, осадил коня перед изгородью.

— Брат, почему ты пришел в такой час? Что случилось в городе?

Ми Фу окинул взглядом пространство через ворота лагеря и сразу заметил странное выражение на лице старшего брата, после чего громко окликнул его.

Ми Шэ бросил косой взгляд в сторону Гуань Хао. Короткий нож в руке Гуань Хао продвинулся вперед еще на полдюйма, и он прошипел сквозь зубы:

— Хочешь остаться в живых — помалкивай.

Ми Шэ сглотнул слюну и был вынужден заговорить:

— В городе все в порядке. Вторая младший, прикажи сначала открыть ворота ипусти меня внутрь.

Ми Фу прищурился и снова и снова оглядывал старшего брата и следовавших за ним воинов. Не заметив никаких явных изъянов, он кивнул десятнику у ворот. Несколько солдат тут же

подбежали, отворили ворота лагеря и оттащили в сторону заграждения-рогатки.

— Генерал, противник, похоже, подготовился заранее. Те четыре с лишним тысячи человек в лагере выстроились в боевой порядок и ждут нас, прорваться одним махом будет трудно.

Ворота открылись, но Гуань Хао не стал сразу бросаться внутрь по первоначальному плану. Он перевел взгляд на Гуань И, давая понять, что в этом бою придется сменить тактику.

Глядя на действия Гуань Хао, Гуань И почувствовал, как струна в его груди натянулась еще сильнее. Эти люди вели себя точь-в-точь как живые существа, совсем не напоминая те созданные системой обезличенные цифры, какими он представлял их сначала. Кто знает, возможно, по их собственному разумению, они были самыми настоящими, плотскими воинами.

— Зайдя так далеко, отступить уже некуда. Если сейчас проявить робость, это лишь выдаст подвох.

Гуань И отдал приказ войску сохранять ровный шаг и равномерно продвигаться вперед. Он прекрасно понимал, что даже если Ми Фу и заподозрил неладное, тот все равно не станет без лишних слов бросаться в атаку.

Под конвоем Гуань Хао Ми Шэ шаг за шагом продвигался вперед. Расстояние между обеими сторонами сокращалось, и дыхание Гуань И становилось все тяжелее.

Под его началом было чуть больше тысячи человек, и он не был уверен, удастся ли им получить преимущество в реальном бою. Не говоря уже о том, что в лагере скрывалось более двадцати тысяч цзинчжоуских солдат — станут ли эти люди помогать Ми Фу, он и вовсе не знал.

Ми Фу пристально смотрел на приближающегося старшего брата, и его взгляд становился все мрачнее. Как он ни всматривался, выражение лица старшего брата казалось ему неестественным.

— Пасть ниц!

В тот момент, когда отряд почти вплотную подошел к воротам лагеря, Гуань И издал резкий, громовой рев. Гуань Хао и шедшие в авангарде копьеносцы уже давно ждали этого приказа и дружно пригнулись, мгновенно уменьшившись в росте.

Стоило им опуститься, как укрывавшиеся за их спинами четыреста лучников тут же оказались на виду.

Тетивы луков были давно натянуты до предела, а наконечники стрел смотрели вперед. В ту же секунду, когда передние ряды солдат согнулись, градом полетели оперенные стрелы.

— Вух-вух-вух!

— Плюх-плюх-плюх!

— А-а-а!

Солдаты Ми Фу действительно были начеку, но они никак не ожидали подобного ливня из стрел. На расстоянии всего в двести шагов четыреста стрел полетели единым залпом, и никто не успел увернуться — да и уклониться было невозможно.

Едва стрелы обрушились на Восточный лагерь, как сотня воинов рухнула на землю. В плечо Ми Фу вонзилась стрела, отчего его лицо побелело от боли.

Гуань И вытащил меч, указал им вперед и отдал приказ идти на штурм.

Гуань Хао швырнул Ми Шэ на попечение личных телохранителей, стремглав бросился вперед и с размаху сбил с ног защитников лагеря, пытавшихся затворить ворота.

Копьеносцы синхронно выбросили вперед пики, и у входа в лагерь мгновенно повалились три-четыре десятка воинов Восточного лагеря. Оставшиеся в ужасе отпрянули назад.

Пехота со щитами прорвалась сквозь бреши в копейном строю, громяхая тяжелыми щитами и продвигаясь вперед шаг за шагом. Ворота лагеря были прорваны.

<http://bllate.org/book/19344/1891697>